

Владимир
Т-е на Юго-Западе

М-64

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Масштаб

21 МАР 1986

театральное обозрение

АГЕНТ «00»

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ НА ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

Что такое студийность сегодня применительно к театрам любительским, к тем из них, которые успели творчески зарекомендовать себя? Что угодно, только не камерность, не замкнутость на задачах эстетских. Скорей это форма участия в жизни, причем страстного, гражданского активности. Это глубокая озабоченность всем, что происходит в стране и за ее пределами, жажда вмешательства в процессы, существенные для общества. Чуткость ко времени, способность ощутить его боль, послужить своими спектаклями, если воспользоваться названием известного романа Г. Маркова, страдающему року.

Естественно, что тема борьбы за мир, предотвращение ядерной угрозы, нависшей над человечеством, занимает внимание этих коллективов. Похоже, что они даже более последовательны в ее реализации, чем театры профессиональные. По крайней мере нынешний сезон они встретили рядом спектаклей, которые реализуют одно из коренных положений Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии, — «Мир без войн и без оружия — идеал социализма».

Стоит добавить, что боевой, остроконфликтный дух этих спектаклей вызвал к жизни заметную сценическую раскрепощенность, свежесть образованного языка, с помощью которого режиссерам и исполнителям порой удается особенно ясно сказать свое слово, стать убедительными в утверждениях идей, их волнующих. «Полудетский-полураскрытый» — так обозначил жанр своего

спектакля «Однажды утром перед закатом» театр-студия на улице Чахова (пьеса написана руководителем студии М. Щепанко, постановка Т. Басинской). Точнее было бы сказать, что перед нами — нечто вроде политической клоунады, балетного представления, в котором широко обозреваются закономерности сегодняшнего мира, вернее, не нашего мира. Того мира, где алластует доллар, где всем управляют волчьи законы собственности. Где нещадно похищается личность и с часу на час слабеет нравственная узда. Где бряцает оружием распоясавшийся агрессоры и во все большей опасности полного уничтожения оказывается маленький планета Земля.

Безусловно, что это потребовало обобщенности сценической. Действие происходит, как говорится в пьесе, нигде и везде, сейчас и всегда, словом, однажды утром перед закатом. В этом нет абсурда, лишь обозначен ракурс, под которым рассмотрены факты жизни.

Культурный сполудетский-полураскрытый игры становится сцена совсем не детская и от игры далекая. Это — образ игры неспасенного; падает с заданной стены театра на сцену ма-

терчатая черная карта, где обозначены белыми столицей и страны, покрывшая собой распластанные, в осязании атомной смерти извращенная земля. Здесь концентрируется самая суть этого спектакля-предупреждения.

А в театре-студии геологического института идет «Ночное нападение» современного испанского драматурга А. Састре, которого театры профессиональные пока не ставят. Пьеса, построенная как полицейское расследование дела об убийстве профессора Марчело Граффи, расширительно истолкована театром (постановка С. Куркина). Традиционная для Испания тема заветной, вражды двух родов, тянувшаяся добрую сотню лет, рассмотрена там в свете сегодняшней ситуации в мире, распространена на судьбу народов, против их воли аттачиваемых в состоянии конфронтации, чрезвычайной войны. В сущности не хотеть убивать друг друга, побуждаемые к тому ложно логичным долгом, люди из родов Граффи и Боско. Не хотеть воевать между собой народы, ибо всякое изобретение себе подобных противно человеческой природе, ибо нет народа-агрессора, а есть лишь агрессивно настроенные круги в ряде стран, крути, кото-

рым нагнетения военного покая за выгоды.

Этот замысел кристаллизуется в спектакле, предельно удаленном от быта, пренебрегающем житейскими подробностями, которыми изобилует пьеса. Строгая черно-белая гамма; хор трагиков, вознесенный над широкой в глубине сцены и отсюда внимающий театративному ходу события. На самой игровой площадке царят прямоугольники белого паннолиста, с помощью которых воссоздается театром все, что нужно по ходу дела; и ослепот городской улицы, и надгробия на кладбище, и экран телевизора, на который под голоса комментаторов проецируются чьи-то странно удлинненные, печальные, будто подавленные всем происходящим в мире лица, и магнитофон, на который профессор Граффи диктует свою последнюю волю. Прибавим к этому намеренно тягучий, ледяющий душу темп происходящего, диалог, насыщенный паузами асимметрии, приглушенные голоса актеров, лишь наредка пресекаемые яростным всплеском гнева и ненависти, разущимся из чреватости груди, — и мы получим представление об этом спектакле, сыгранном при всей условности решения с неуловительным солидностью правды чувства.

А воля профессора Граффи состоит в том, чтобы его пятнадцатилетний сын некий не узнал о затнувшейся заветной, чтобы идея ревенция потерпела крах и дети той и другой семьи могли спокойно спать в своих постелях.

Раширительный смысл придан и поставленной М. Розовским в руководимом им театре-студии у Никитинских ворот миниатюре Юды Фортано «Ученый водит автомобиль вачую». Действие пьесы одномоментно, в спектакле же оно растянуто на год, в течение которого робкой служащий какой-то конторы превращается в зверя, дает волю умному пробужденному в нем инстинкту уничтожения. Показан процесс обработки души человека в направлении, противном идеям гуманизма и добра, процесс облыбления личности, которую потом так удобно будет превратить в пушечное мясо. Успех — «сносодимый» в буфальном смысле слова: ученик превосходит учителя в упоении воображаемой скоростью, в обращении им чувств безнаказанности, воссоздаемости («Мой начальник отдала — давай!» Мой директор — давай!»). Слово май, действие мнется отрицательно, перед на-

ми — целый пантомимический каскад.

А театральность спектакля театра-студии на Юго-Западе «Агент 00» заключена, если не убоится парадокса, в подчеркнутой натеатральности. За шутковской оболочкой пьесы Г. Боровика, за расхопанными в ней приметями эстрадного шоу режиссер В. Белижский сумел выветить весомое социальное и нравственное содержание. Спектакль предельно безаффектен, а нам нет «шумеров», расчитанных на аплодисменты зала, театр отказался от массовых сцен, устранив все внимание на характер. Соумрачен, «бонгарна» атмосферой действия, раздражающая натеатральность ширты по углам сцены, напоминаясь войды в бомбоубежище, «извращенный» костюмы персонажей, радиоголоса, сообщившие последние новости. И оказалось, что пьеса такую «нагрукку» выдерживает.

Спектакль строится на резкой противопоставлении людей, которые во всем человечестве (коммюнистический, он же агент «00», и тот, кого называют вождем маленького, доселе неизвестного племенного, которое страсть как хочется прибрать к рукам эвонгическим властителям), — непопулярно в штатском, которые ревенция служат делу пробавления малых народов...

Пантомимический театр в любительском (что отнюдь не означает «примитивный») варианте на наших глазах набирает силу.

С. ВЛАДИМИРОВА.